Глава 27: Вздремнуть посреди урока

"РЕЕЕ

"Ты просыпался с кошмаром примерно в половине ночей, когда был здесь", - сказал Джеймс, и Ремус немного расслабился. Это, хотя и было бесконечно ужасно говорить об этом, было лучше, чем альтернатива. "Это не может быть нормальным, приятель. Я думаю, тебе нужно что-то с этим делать... сходить к Помфри, может быть... к Дамблдору. Это совсем ненормально, особенно кошмары, которые заставляют тебя плакать..."

"Я не плачу".

"Да, плачешь. Не громко, но обычно ты плачешь. И дрожишь. И потеешь. Это нездорово, и это должно быть действительно нездорово для меня из всех людей, чтобы беспокоиться о таких вещах. И ты часто ворочаешься, даже когда не спишь. Серьезно, я ожидал, что ты заболеешь после бессонных ночей. Ты выглядишь как зомби".

"Ну, я не знал, что ты так хорошо спишь, когда решил приехать в Хогвартс. Что ты хочешь, чтобы я выходил из комнаты?".

"Что? Нет, я хочу, чтобы тебе помогли. Это то, что я только что сказал. Ты слушал?"

Ремус не слушал. На самом деле он смотрел на нитку на воротнике Джеймса и отчаянно пытался не потерять самообладание.

"Хорошо", - сказал он, переводя взгляд с нитки на воротнике Джеймса на глаза друга. "Я так и сделаю. Спасибо за предложение. Думаю, я никогда не думал о том, что это ненормально или что-то в этом роде; это просто вещь, с которой я живу..." Ремус лгал. Ему почти не снились кошмары, пока он не начал спать рядом с этим ужасным окном, и он точно не собирался обращаться за помощью. Мадам Помфри и так достаточно жалела его; ей не нужно было слышать, что его все еще преследует нападение, случившееся много лет назад.

"Спустишься к завтраку? Пожалуйста? Не знаю, что тебя беспокоит, но тебе нужно поесть".

"Нет, спасибо. Но я хорошо пообедаю. Увидимся через полчаса, Джеймс".

Джеймс внимательно изучал лицо Ремуса. "Ты можешь поговорить об этом, что бы это ни было. Я знаю, что иногда бываю раздражительным, но я отличный слушатель. Сириус постоянно это говорит".

"Разговоры об этом не помогают, но спасибо за предложение".

"Хорошо, тогда... увидимся через полчаса". Джеймс вышел из комнаты, и Ремус почувствовал облегчение и разочарование, когда смотрел ему вслед. Он не был уверен, почему он разочарован; он ждал его ухода, казалось, несколько часов.

"Джеймс суетится почти так же, как мама", - шепнул Ремус Буфо, и Буфо утвердительно квакнул. Возвращение по ступенькам в общежитие далось ему с трудом, но, к сожалению, это была самая легкая часть дня Ремуса.

Ремус переоделся в пижаме в туалете, хотя он был единственным в общежитии. Он никогда не мог быть слишком осторожным, в конце концов.

Он нехотя стянул рубашку и уставился на свою голую грудь - она была усеяна шрамами, некоторые старые и выцветшие, некоторые свежие... они покрывали его бока, спину и особенно

руки, они змеились по всему телу, и было совершенно ясно, от чего они. Следы зубов, следы когтей... Ремус проследил четыре отчетливых следа когтей на своем боку, удивляясь, как его маленькая одиннадцатилетняя рука стала такой большой и опасной.

Он задумался, каково это - постоянно иметь такие когти: завязывать ботинки было бы очень трудно, подумал он, не говоря уже о расчесывании комариных укусов. А держать перо было бы почти невозможно. Ремус подстригал ногти раз в неделю, чтобы случайно не поцарапаться. Следы от оборотня - даже в человеческом обличье - требовали серебра и Диттани, а серебро было дорогим по определению.

Его взгляд остановился на следе укуса на левом плече, на котором почти каждый зуб был все еще ясен как день. Это было ужасно - иметь такое ужасное напоминание рядом с собой до конца жизни. Он быстро потянулся за мантией и надел ее, не обращая внимания на головную боль и пятна перед глазами.

Он взглянул на свои руки, которые тоже были в шрамах... Теперь, когда он подумал об этом, он увидел углубления, где его ногти удлинились в когти, когда он сжимал кулаки во время превращений. Его ладонь после этого всегда была так изодрана и исцарапана, что он не замечал этого. Он внутренне поблагодарил Дамблдора за то, что тот сообщил ему об этой проблеме.

Возможно, если ему удастся не открывать их снова, то шрамы на ладонях со временем исчезнут. Иногда они так и делали, хотя и не полностью. Шрамы на костяшках пальцев Ремуса были в основном от того, что он грыз их, когда был моложе, в приступах беспокойства и стресса перед полной нагрузкой. С тех пор он перестал, но даже укусы оборотня в человеческом обличье оставляли шрамы. К счастью, никто не обращал внимания на руки Ремуса.

По крайней мере, он так не думал.

Кроме того. Мантии Ремуса, к счастью, были достаточно длинными, чтобы в какой-то степени прикрывать его руки, и вряд ли кто-то задавался вопросом о шрамах, даже если видел их - в конце концов, шрамы на руках легко объяснить. Он обжегся о горячую плиту... он случайно подцепил змею... он был недостаточно осторожен рядом с растопырником. Но как объяснить следы когтей на руках и туловище? Одежда, подумал Ремус, - замечательное изобретение.

Это было так глупо. Все это - шрамы, боль, травмы, болезни. Он даже не помнил времени, когда их не было.

Он подошел к зеркалу и уставился на свое лицо (как литературное клише, которое авторы используют, когда им лень описать своих героев по-другому). У него были лесные глаза, как у отца, и тонкие брови, как у матери. Его волосы были темно-каштанового оттенка - длиннее, чем у Питера, но короче, чем у Джеймса. На его лице не было шрамов. Ремус не знал почему, но в полнолуние он старался держаться подальше от своего лица. То, что он продержался столько, не повредив лицо до неузнаваемости, было не меньшим чудом, но он полагал, что нужно быть акробатом, чтобы укусить собственное лицо. Эта мысль была почти смешной.

Он возился с галстуком, его руки сегодня были недостаточно ловкими, чтобы сделать все правильно. Он затянул его достаточно туго, чтобы закрыть каждый дюйм шрама на плече, застегнул воротник (с большим трудом), а затем с усердием почистил зубы.

Сегодняшний день должен был быть трудным. Но теперь, когда он подумал об этом... эти шрамы были ужасны, но они доказывали, что он оборотень - Темное существо, которое

практически не поддается уничтожению одну ночь в месяц. Ему казалось, что он может рухнуть в любую минуту, но это были всего лишь уроки. Нечего бояться. Ремус по собственному опыту знал, что в жизни есть много других вещей, которые больше заслуживают его страха.

Он был оборотнем. Он мог высидеть пару уроков. С ним все будет в порядке!

Он провел влажными пальцами по волосам и быстро расчесал их, а затем еще раз проверил, чтобы убедиться, что ничего не видно. Он сел на унитаз и положил голову между коленями - последний момент покоя перед тем, как отважиться на учеников, учителей и занятия в качестве почти трансформировавшегося оборотня.

Он ненадолго задумался о том, чтобы сдаться, но для этого он был слишком упрям. Он принял решение.

Тогда он встал, чтобы отнести записку мадам Помфри, и успокоился, понимая, что ничто из того, что он пережил сегодня, не может сравниться с ужасами, которые ему предстоит пережить сегодня.

Ему не пришлось отдавать записку мадам Помфри: она ждала его перед Больничным крылом.

"Вот вы где, мистер Люпин", - резко сказала она. "Входи, давай подготовим тебя к сегодняшнему вечеру... Ты одет гораздо лучшее, чем в прошлом месяце. Мне кажется, твой галстук едва держался на мантии, когда ты приходил ко мне в прошлый раз..."

"Это потому, что я прекрасно себя чувствую", - сказал Ремус с такой энергией, на какую только был способен. "Абсолютно хорошо. Могу я идти на занятия, мадам Помфри?"

Мадам Помфри уставилась на него. "Я видела тебя в прошлом месяце, Люпин. Ты не пойдешь на занятия. Тебе нужен отдых, так как сегодня ты его не получишь".

"Не так громко!"

"Успокойся, здесь никого нет. Сейчас же уходите из коридора в мой кабинет".

"Пожалуйста, мадам Помфри. Я знаю, что я могу выдержать - в конце концов, прошло уже шесть лет! Я вовсе не чувствую себя больным. Просто последний месяц был особенно плохим".

"Ты не можешь обмануть меня, Люпин. Ты выглядишь очень больным, а я знаю, как выглядит болезнь. Если ты забыл, я - врач. Тебе будет трудно убедить меня, что ты не болен".

"Это выглядит хуже, чем есть", - сказал Ремус, пытаясь убедить себя, что это правда. "Бледность - это просто побочный эффект. Может, я пойду на первые два урока, а потом пропущу двойную травологию и приду сюда? Обещаю, что спущусь еще раньше, если не справлюсь".

"Тебе вовсе не нужно идти туда. Я предупреждаю тебя, Люпин..."

"Я должен справиться с этим!" Беспокойство Ремуса о будущем выплеснулось наружу все разом, очень против его воли. "Как вы думаете, что будет, когда я покину Хогвартс? Мне нужно привыкнуть к этому, не так ли? Это не произойдет в ближайшее время. Я мог бы научиться

вести себя при плохом самочувствии, пока у меня есть хорошая медицинская помощь".

Мадам Помфри смягчилась, и Ремус почувствовал себя ужасно виноватым перед ней. Он не любил разыгрывать карту жалости. "Позволь мне дать тебе хотя бы Перечное зелье", - сказала она. "Просто чтобы снять усталость..."

"Нет, спасибо. Я намерен вернуться сюда прямо сейчас и проспать до пяти вечера".

"Очень хорошо. Тогда отправляйтесь в путь. И немедленно приходи сюда, если почувствуете себя слишком плохо, чтобы нормально работать, слышите?"

"Конечно, госпожа, спасибо".

Первый шаг, подумал Ремус, был успешным. Он начинал чувствовать себя немного похожим на Джеймса, со всеми этими заговорами и интригами.

Ремус занял свое место на Защите, рядом с Эванс. Его голова была похожа на влажного кальмара. Его руки были похожи на желатин или что-то в этом роде. Он чувствовал притяжение Луны всеми фибрами своего тела.

Возможно, идти на занятия было не такой уж хорошей идеей.

Он был уверен, что его лицо приобрело неприятный серый оттенок, а сам он почему-то продолжал слегка косоглазить. Он отложил перо и перестал делать записи, чтобы помассировать руку (и напомнить себе, что он в порядке). Квестус продолжал. Ремус никогда раньше не думал, что Квестус читает скучные лекции, но сейчас каждое слово казалось Ремусу тяжелым ударом по голове. Он чувствовал странный гнев где-то на задворках своего сознания: ему хотелось, чтобы Квестус перестал говорить, хотя бы на минуту... почему все говорят так громко, почему Эванс так громко дышит, почему нельзя было успокоиться хотя бы на секунду!

Гнев захлестывал каждое его движение, запахи и звуки проникали в самую глубину мозга, Луна давила на каждую молекулу его тела - он часто бывал раздражителен в день полнолуния, но это было намного хуже. Было больше людей, на которых можно было раздражаться, больше вещей, которые действовали ему на нервы и выводили из себя. Но он не позволял себе этого: он был человеком, а не животным... он еще не был волком, и у него не было желания вести себя так.

Эванс с легким звоном обмакнула перо в чернильницу, и это стало последней каплей. Ремус ухватился за рукав мантии и дернул его, надеясь удовлетворить желание попросить всех уже заткнуться. Но это было бы не очень вежливо.

Квестус посмотрел на него, и Ремус пригнул голову, устыдившись. Он был человеком, и, клянусь Мерлином, он собирался вести себя как человек. Он взял перо и послушно записывал все важные замечания Квестуса, хотя ничего из них не понимал. У него болела голова. Он устал до невозможности. Он чувствовал на себе взгляд Эванса и пытался вести себя нормально, но это было чрезвычайно трудно.

Он поднял глаза вверх, чтобы прочесть написанное, но слова на его глазах перекручивались и закручивались сами собой. Он смотрел, как они превращаются в новые слова... Он вцепился в скалу кривыми руками; близко к солнцу в одиноких землях, окольцованных лазурным миром, он стоит. Морщинистое море под ним ползет; он смотрит со стен горы и, как молния, падает...

Ремус не помнил, как написал это. Он был уверен, что это было стихотворение Теннисона, которое он запомнил в какой-то момент во время одинокого дня в своей комнате, но он никогда не записывал его вместо того, чтобы делать заметки. Для этого у него не хватало присутствия духа. Он моргнул, и слова трансформировались в "С днем рождения, Питер". Зачем он это написал? Это был уже не день рождения Питера.

Ремус почувствовал, как что-то прижалось к его левому плечу.

Оборотень?

Он вскинул голову и инстинктивно сделал движение, чтобы закрыть лицо, но тут же понял, что спал, а это Квестус его разбудил. Ремус попытался рассмеяться, но его руки все еще дрожали. Он засунул их в карманы и проигнорировал странное ощущение покалывания, которое сопровождало такое резкое движение.

"Ты нездоров, Люпин", - хрипло сказал Квестус. "Должен был подумать, что это очевидно и для тебя. Я понятия не имею, зачем ты пришел в класс и, вполне возможно, заразил всех нас. И получил наказание за то, что заснул на уроке. К сожалению, поскольку я не... свободен сегодня вечером, придется подождать".

"Я... да, сэр... спасибо, сэр... Простите..."

Ремус вытер последние остатки сна со своих век и снова начал записывать, стараясь не задремать снова. Он подумывал попросить Квестуса покинуть класс, но не хотел привлекать к себе еще больше внимания, чем уже привлек. К счастью, накануне на Трансфигурации одного мальчика вырвало посреди урока - Ремус надеялся, что другие ученики будут сплетничать о неизвестном мальчике, а не о Ремусе.

Ремус чувствовал себя ужасно.

Когда Ремус, спотыкаясь, вышел из комнаты вместе со своими одноклассниками, намереваясь отправиться в Больничное крыло, он почувствовал еще одно намеренное прикосновение к своему левому плечу. Он подпрыгнул и с силой схватился за него.

"Все в порядке, Люпин?" Это снова был Квестус, и он почти забавлялся прыгучестью Ремуса - что было ужасно несправедливо, по мнению Ремуса. Попробуй укусить себя оборотнем и посмотри, каково это, подумал он. Тогда это не покажется тебе таким смешным...

"Да, сэр".

"Если вы не против поговорить со мной немного, когда все покинут комнату..."

О нет, совершенно нет. "Вообще-то я планировал пойти в Больничное крыло, раз уж я что-то подхватил".

"Конечно. Идите туда сразу после".

"Мы отнесем его вниз, чтобы убедиться, что он не упадет в обморок или еще что-нибудь", - сказал Джеймс, которого Ремус не заметил, что он был рядом с ним. "Питер, Сириус и я".

"Это было бы полезно, спасибо. Не похоже, что он продержится на ногах три секунды". Ремус

возмущенно скрестил руки на груди, но он знал, что Квестус, вероятно, прав. "Иди и подожди его снаружи".

"Почему?" Это был голос Сириуса. "Все, что ты можешь сказать ему, ты можешь сказать и нам".

"Если бы ты вежливо попросил, я бы разрешил тебе остаться и послушать", - солгал Квестус. Ремус предположил, что он лжет. "Но раз вы этого не сделали, вам придется сделать так, как я сказал".

Сириус, Джеймс и Питер ушли, первые двое с хмурым, а последний с кротким выражением лица.

Ремус подождал, пока они закроют дверь, и повернулся к профессору Квестусу, пытаясь придумать, как ему объясниться, чтобы не показаться жалким. "Мне очень жаль, профессор, я не хотел..."

"Правильно ли я понимаю, что ваш внезапный недостаток энергии вызван приближающимся полнолунием?" - спросил Квестус, прерывая Ремуса.

"Да, сэр".

"Это всегда так?"

"Нет, сэр... в прошлый раз было хуже, но иногда лучше. Это норма, хотя..."

"Почему, скажите на милость, вы пришли сегодня на занятия, если знали, что будете ощущать влияние полнолуния?"

Ремус замолчал. "Я... подумал... Я мог бы это сделать".

"Что ж, мне жаль сообщать вам, что вы ошибались". Квестус слегка фыркнул от удовольствия. "Очень ошибался. Прямо идиотизм. Если я застану тебя на уроке в другое полнолуние, то у тебя будут большие неприятности. И я буду знать, Люпин, когда будет следующее полнолуние. Большинство учителей следят за ними довольно религиозно".

Ремус поморщился. Он не хотел этого знать.

"За исключением Горация Слизнорта, который забыл бы свою голову, если бы она не была прикреплена к его плечам. А теперь бегите, и не перенапрягайтесь".

"Вы говорите как мадам Помфри".

"Боже упаси", - сказал Квестус, закатывая глаза. "Эта женщина хороша в своем деле, но за пределами Больничного крыла она довольно надоедлива".

Рот Ремуса слегка приоткрылся. "Она прекрасна".

"Каждому свое, я полагаю. Лучше уходи сейчас, Люпин, а не заставляй своих друзей опаздывать на занятия. Это будет не очень хороший способ отплатить им за то, что они выкроили время, чтобы помочь тебе".

Ремус отпустил стул (он не понимал, что цеплялся за него, словно земля была затоплена, и это был его единственный спасательный круг) и несколько пьяным вышел из комнаты.

"Спасибо, профессор", - позвал он.

"Вы ни капли не благодарны, это совершенно очевидно. Не благодарите меня, если не имеете в виду".

Ремус чуть не рассмеялся, но он знал, что это причинит ему страшную боль в ребрах. Его друзья выглядели немного растерянными и обеспокоенными - Ремус очень надеялся, что они не обратят внимания на его состояние до тех пор, пока это будет возможно.

"Мадам Помфри", - объявил Сириус, когда они вошли, - "Ремус свалился с чем-то ужасным и нуждается в вашей помощи".

Мадам Помфри не выглядела удивленной. Ремус изучал свои ботинки, боясь, что упадет, если поднимет голову... а еще ему было очень стыдно.

Джеймс упал на колени. "Пожалуйста, о прекрасная мадам Помфри, помогите нашему другу, чтобы он не умер..."

"Он не умрет, - бодро сказала мадам Помфри, - хотя мне кажется, что он должен был прийти гораздо раньше. Идите в класс, вы трое".

"Поправляйся скорее, Ремус!" - позвал Питер, когда они выходили из комнаты.

Дверь захлопнулась.

Мадам Помфри уставилась на Ремуса, и тишина была оглушительной.

"Э, простите. Я полагаю, что я не... так хорошо... управлял своим состоянием... как я думал". Ремус медленно поднял голову и встретился с ее глазами. "Видимо, шесть с половиной лет ничему меня не научили. Но...! Но никто не догадался, и мне удавалось все время оставаться в классе, так что я вроде как преуспел... немного...". Ремус замолчал под взглядом мадам Помфри. "Нет, вы правы. Я вел себя глупо".

Мадам Помфри подвела Ремуса к кровати в своем кабинете, помогла ему сесть на кровать и, к его удивлению, слегка похлопала по правому плечу. Ремус предположил, что она видела достаточно его тела, чтобы знать, что у него слева, и был благодарен, что она обошлась без этого. "Я понимаю", - сказала она. "Мне кажется, что вы просто хотели попробовать быть нормальным. Это хоть как-то помогло?"

"Нет".

"Я и не думала, что поможет. Так вы явитесь в Больничное крыло в следующем месяце, как только проснетесь?"

"Я проснусь в четыре-четыре тридцать в назначенный день".

"Тогда я буду ждать тебя рано утром".

Ремус почувствовал, как на глаза навернулись слезы, и усилием воли заставил их не упасть. Мадам Помфри посмотрела на него; Ремус быстро отвернулся и сделал вид, что пересаживает Буфо на плечо, чтобы она не видела. Плач никогда ничему не помогал. Жалость была очень неприятна, и ему очень хотелось забыть обо всем этом и заснуть. Сон всегда прекрасно

пропускал время, и Ремус больше всего на свете хотел, чтобы эта ночь закончилась.

К сожалению, Ремус никогда не умел хорошо контролировать свои эмоции, и он вдруг обнаружил, что вытирает влажное лицо рукавом свитера. Как неловко.

"Вам больно?" - спросила мадам Помфри, и Ремус как можно быстрее вытер слезы. "Нет", - сказал он. "Я устал, хотя. И подвержен перепадам настроения. Моя мама постоянно шутит, что я гормональная девочка-подросток".

Мадам Помфри издала придушенный смешок и дала Ремусу неизвестное зелье, которое он с благодарностью принял. "Ты ел?"

"Нет. И вы не можете меня заставить".

"Я знаю это, упрямое дитя. Не хочешь ли ты теперь поспать?"

Ремус покачал головой. Он действительно хотел спать, но не чувствовал, что сможет. Кроме того, если он сейчас заснет, то, скорее всего, ему будут сниться кошмары.

"...Есть что-то, о чем ты хочешь поговорить?"

Ремус действительно хотел поговорить, но не с мадам Помфри. Она была слишком эмоциональной, слишком сочувствующей и слишком склонной лгать ему, чтобы спасти свои эмоции. Он ненадолго задумался о том, чтобы позвать Квестуса, но знал, что тот занят, и не хотел его беспокоить. Кроме того, Квестус, похоже, вообще не очень-то нравился Ремусу - хотя Ремус подозревал, что это просто нормальный нрав Квестуса. В конце концов, кому может не нравиться мадам Помфри? "Вы когда-нибудь раньше встречали оборотня?" спросил Ремус у мадам Помфри, желая завязать легкий разговор.

"Нет".

"О."

"А может, и встречала. Никогда не знаешь, правда?"

Ремус улыбнулся. "Я думаю, что знал бы".

"Вероятно, да", - согласилась мадам Помфри. "Итак, мистер Люпин, я полагаю, вы согласились ответить на все мои вопросы в прошлом месяце. Сейчас подходящее время?"

Ремус подумал о том, чтобы притвориться спящим, но мадам Помфри должна была знать. "Наверное", - сказал он и от всего сердца пожелал, чтобы у него хватило сил остаться в классе.

Он так устал.

http://tl.rulate.ru/book/67209/1790944